

**ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

¹Чувашский государственный институт культуры и искусств,
г. Чебоксары, Россия

²Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются имена героев чувашской художественной литературы. Как показывают наблюдения, поэтонимы на внешнем уровне во многом обеспечивают специфику чувашской беллетристики. Они представлены дохристианскими и православными именами, а также фамилиями чувашского происхождения. Православные имена делятся на субституированные очувашенные и сохранившие оригинальную русскую фонетику. Выбор поэтонимов обуславливается несколькими условиями: содержательной стороной текста, хронотопом, эстетическими представлениями писателей. В чувашской литературе сложилась традиция воспроизведения архаичных имен в произведениях о современной жизни, что входит в противоречие с реальностью.

Ключевые слова: личные имена, поэтонимы, антропонимы, антропонимика, ономастика, чувашская литература, чувашский язык.

Актуальность исследуемой проблемы. Чувашская литература до последнего времени оставалась исключительно объектом литературоведческих исследований. Результатом самозамкнутого развития стали кризисные явления, которые были преодолены благодаря компаративному подходу к литературному процессу, и таким образом был обеспечен новый этап развития литературоведческой науки.

Другими аспектами, способными оживить национальное литературоведение, но еще не ставшими таковыми, следует признать инонаучные подходы, в частности, этно- и социолингвистические. Например, этнологический аспект изучения уже позволил установить интереснейшие статистические параметры, имплицитно присущие чувашской литературе [8].

Изучение поэтонимов в лингвистическом аспекте является другим подходом, который позволит целостно взглянуть на литературу и обнаружить некоторые закономерности ее функционирования. Так сложилось, что личные имена придают неповторимые чу-

© Фомин Э. В., Иванова А. М., 2018

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yeresen@yandex.ru

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: amivano@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 06.11.2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 18-412-210002 p_a

вашские черты художественному произведению. В силу этого поэтонимы воспринимаются в качестве сложной проблемы литературного процесса [7]. Их выбор не случаен, обусловлен различными обстоятельствами. По сути подбор личных имен в беллетристике сравним с имянаречением человека, но сложнее, поскольку обязан служить воплощению художественных идей писателя, а в случае с чувашской литературой – также дополнительно обеспечивать национальную специфику всей письменной культуры. Цель данной статьи – лингвистическое изучение личных имен, используемых в чувашской литературе.

Материал и методика исследований. Выводы строятся на анализе более чем тысячи имен, собранных в ходе составления поэтонимического словаря [10]. Материал рассматривается в лингвокомпаративном и переводческом аспектах.

Результаты исследований и их обсуждение. Национальная специфика чувашской литературы обеспечивается рядом элементов, подразделяемых на внутренние и внешние.

Признак, формирующий специфику чувашской литературы на внутреннем уровне, сводится к единству публицистичности и философичности содержания [5, с. 5–6]. На фоне завуалированного внутреннего стержня гораздо сильнее проявляются внешние факторы спецификации литературы, среди которых выделяются: язык – чувашский, хронотоп – деревня в прошлом, поэтонимы – в неперменном национальном облике. Из всех перечисленных критериев именно имена персонажей обеспечивают максимальную специфику словесной культуры, ибо даже в переводных текстах сохраняют оригинальную фонетику, в то время как язык при переводе перестает быть неповторимым признаком, а хронотоп еще следует осознать в качестве специфического.

В современной чувашской литературе можно выделить четыре вида поэтонимов:

1) дохристианские чувашские имена (*Альпи, Ёмпике, Кёлпук, Мерчен, Нарспи, Пинеслу*);

2) очуващенные имена русского происхождения (*Агния > Укане, Савелий > Савалей, Серафима > Сарахви, Тимофей > Тимуш*);

3) русские фамилии чувашского происхождения (*Азаматов < асамат (кёперё) 'радуга', Лупашкин < лупашка 'яма', Саламов < салам 'привет', Тымаров < тымар 'корень'*);

4) русские имена (*Веня, Олег, Полина, Саша, Юля*).

1) Дохристианские чувашские имена выступают главным элементом, формирующим самобытность национальной литературы. Данная разновидность поэтонимов актуализируется в беллетристике исторического содержания. К примеру, в повести С. Эльгера «Хён-хур айёнче» («Под гнетом») встречаются имена *Алапит, Итапай, Итрен, Тайпи, Тевенеш, Чакка, Яртух, Ятарин*; в трагедии Г. Тал-Мрза «Силпи – пълхар пики» («Сильби – болгарская дева») – *Етнер, Силпи, Тивлет*; в драме А. Калгана «Анисса» – *Анисса, Пиппав, Кашук, Менти, Пикментей, Сатай, Урка, Эрнук*. Имена данного пласта – исконно чувашского, а также арабского и иранского происхождения. Последние обусловлены татарским участием, что накладывает на них сильное восточное звучание [6, с. 3–32].

Собственно говоря, именно благодаря сохранившимся на периферии языческим именам, в XX в. сложились фонетически неординарные фамилии чувашского происхождения, ср., например: *Алиндеев < Алинтей, Аргандеев < Аркантей, Едриванов < Етриван, Ишмендеров < Ишментер, Кадеев < Катей, Майруков < Майрук, Мурзуков < Мурсук, Сармандейкин < Сарментейккй, Тарбеев < Тарней, Ухтеров < Ухтер, Хирбииков < Хёрпик(е), Яндуткин < Янтутка* (о проектируемом словаре см. [9]).

Предпринятые попытки лексикографирования поэтонимического материала показывают, что дохристианские имена являют незначительную часть чувашского антропонимикона. В словаре чувашских поэтонимов зафиксировано менее 300 имен языческой эпохи [10, с. 5], для сравнения: в списке В. К. Магницкого содержится более десяти тысяч

имен [4]. Объяснить это можно незначительностью объема чувашской исторической литературы, востребованностью одних и тех же имен, уже использованных в классических текстах, а также неспособностью большей части антропонимов пройти эстетический отбор.

2) В национальной литературе преобладают христианские имена, приспособленные под чувашское произношение [3]. В произведениях они или тотальны, или сосуществуют с русскими именами, как исключение, антропонимы в текстах являются чисто русскими. Так, в рассказе А. Тарасова «Карачъм» («Герасим») многие герои носят очувашенные имена: *Валькка* < *Валька* (*Валентин*), *Илюк* < *Илья*, *Куля* < *Коля* (*Николай*), *Микуç* < *Николай*, *Мишиша* < *Миша* (*Михаил*). Можно предположить, что в этом случае поэтонимы автобиографически обусловлены: писатель родом из Батыревского района Чувашской Республики, где личные имена до сих пор подвергаются значительной субституции. Имена в рассказе А. Мышкиной «Гимёрпе хуçалнă çеçкесем» («Цветы, поломанные железом») делятся на два вида – очувашенные (*Натали* < *Наталья*, *Андрюш* < *Андрюша/Андрей*) и сохранившие русское звучание: *Наташа*, *Света*, *Сергей*, *Степан*. В повести Б. Чиндыкова «Çур çёр хыççанхи апатлану» («Ужин после полуночи») события разворачиваются в современной чувашской деревне, и герои носят русские имена (*Артур*, *Гена*, *Зоя*, *Лена*, *Лилия*, *Люда*), одно из которых переделано под иностранное звучание: *Николас*.

Все имена данного пласта претерпели фонетические изменения и в современном чувашском языке проявляют значительную вариативность: *Андрей* – *Унтри*, *Энтри*; *Наталья* – *Натали*, *Наташ*, *Натташ*; *Федор* – *Хветёр*, *Хёветёр*.

Часть русских имен была подвергнута чувашизации на деривационном уровне: *Клавтюк* < *Клавдия*, *Митрюк/Митюк* < *Митя* (*Дмитрий*), *Тарук* < *Дарья*, где *-ук*, *-юк* – аффиксы чувашского имяобразования, совпадающие с русским *-ек/-ок* (*Витек*, *Лизок*). Очувашенные русские имена в чувашской литературе нашли многовариантное выражение: *Александр* – *Лексантёр*, *Сантёр*, *Санька*, *Санькка*, *Санюк*, *Саня*, *Саняк*, *Сашок*, *Сашук*, *Шашшук*, *Элексантёр*; *Мария* – *Маня*, *Мари*, *Мариç*, *Марук*, *Маруç*, *Марушка*, *Маруца*, *Марье*, *Машук*, *Машиша*, *Машишук*, *Маяк*.

Атрибуция некоторых очувашенных поэтонимов проблемна. Согласно контексту и фонотаксису, эти имена признаются православными, но их облик и словообразовательные модели претерпели значительные изменения, в результате чего сложно установить исходные формы: *Варккуç* < *Варвара* (?) (Д. Гордеев. Шъркалчă = Чирок); *Велиме* < *Вилена* (?) (А. Лазарева. Савантар сынсене = Приноси людям радость); *Евьен* < *Елена* (?) (Я. Ухсай. Силпири асамат кёперё = Радуга в Сильби).

В орфографировании некоторых субституированных русских имен проявляется неустойчивость правил чувашского письма. Сложно представить, что поэтонимы *Ванька* [ваньгá] 'Иван (Ванька)', *Çтапан* [çтабáн] 'Степан' и *Тимка* [т'имгá] 'Дмитрий (Димка)' соответствуют узуальному звучанию в виде *Вань[к:]а*, *Çта[п:]ан*, *Тим[к:]а*, орфографически предполагающему геминированное отражение глухих согласных (см. также [9, с. 385]).

В переводах художественных произведений на русский язык наблюдается трансформация очувашенных имен:

Йáван (< рус. *Иван*) → 1) *Йаван* (З. Нестерова. И мужчины плачут); 2) *Йыван* (С. Фомин. Лихая година; Н. Максимов. Место в жизни);

Кётери(н) (< рус. *Екатерина*) → 1) *Кидери* (В. Иванов-Паймен. Мост); 2) *Кедерне* (А. Савельев, В. Игнатъев. Зарницы счастья); 3) *Кетерук* (В. Давыдов-Анатри. Братишки); 4) *Кедерук* (Л. Таллеров. Перепеленок); 5) *Катерук* (М. Ухсай. Буйные ветры) (список чувашских поэтонимов, использованных в русском контексте, см. в [2, с. 185–209]).

Иначе говоря, субституированные имена возвращаются в русский литературный контекст в искаженном виде, что вполне соответствует канонам переводческого искусства.

3) Русские фамилии чувашского происхождения в беллетристике служат тем же задачам, что и субституированные православные имена, – создают специфичные черты эт-

нической словесной культуры. При этом такого рода фамилии воспринимаются читателями с недоверием, подобные образования лишь отчасти похожи на существующие, в них ощущается искусственность. Особенно неестественность проявляется в условиях допущения чувашских букв с диакритическими знаками: *Куşкин* (Л. Агаков. Салтак ачисем = Солдатские дети), *Хураşкин* (А. Лазарева. Савантар çынсене = Приноси людям радость)) вместо нормативных *Кузькин*, *Хураськин*. Последние нашли кодификацию в официальных документах (см. [1]).

Отличие чувашских фамилий-позтонимов от объективно существующих сводится к тому, что первые часто возводятся к апеллятивной лексике, а вторые, как правило, являются отыменными, произведенными на основе дохристианских или очувашенных православных имен: *Сурбанов* (В. Сатай. Çёр çирём утам та виçё талак = Сто двадцать шагов и трое суток) < *сурпан* 'женский головной убор', *Пушмаков* (А. Лазарева. Шанчакла тус = Надежный друг) < *пушмак* 'обувь', *Янташов* (В. Кузьмин. Върланă юрату = Украденная любовь) < *янташ* 'земляк', *Актемиров* < *Актимёр*, *Атнекеев* < *Атнеккей*, *Деведеров* < *Деветер*, *Мидюков* < *Митюк* 'Дмитрий', *Ухванисов* < *Ухванис* 'Афанасий'.

Фамилии-позтонимы, как правило, уникальны, повторению подлежит лишь их незначительная часть: *Арланов* < *арлан* 'хомяк' (А. Лазарева. Савантар çынсене; А. Лазарева. Тёрёс ят = Правильное имя; П. Осипов. Кăкламан тымарсем = Невыкорчеванные корни; Р. Ярандай. Кёмёл сулалла сехет = Часы с серебряным браслетом); *Ванюшин* < *Ванюш* (В. Кузьмин. Çёр пики = Земная дева; А. Савельев-Сас. Чулкасри çуркунне = Весна в Чулгасах); *Усламов* < *услам* 'прибыль' (В. Кузьмин. Çумрах-ха эс, савниçем = Ты все еще рядом, любимая; П. Осипов. Çёне хум = Новая волна).

4) Русские имена, несмотря на их тотальную распространенность в современной чувашской среде, по сути представляют периферию позтонимов, что вполне объяснимо: они творчески неинтересны и не способны придать текстам национальное звучание. Допущение в чувашскую беллетристику русских имен в неизменном виде предполагает системные изменения – углубление внутренних специфичных параметров произведений чувашских писателей через отказ от традиционного хронотопа. Этот путь – долгий и сложный, видимо, нежеланием его пройти следует объяснить пристрастие чувашских авторов к архаичному антропонимикону.

Резюме. Позтонимы – интереснейшее явление чувашской литературы: с одной стороны, они придают нежелательные архаичные черты современным произведениям, с другой – обеспечивают им устойчивое национальное звучание, которое служит этнооберегающим целям.

Специфика использования личных имен способствует преемственности эпох развития чувашской художественной литературы. На рубеже XIX–XX вв. они были кодифицированы в виде собственно чувашских языческих и субституированных русских имен в соответствии с той действительностью, которая тогда существовала, – имена носили специфичный этнический отпечаток. Затем, после значительных качественных изменений в языковой ситуации, когда чувашаи полностью перешли на аутентичные русские антропонимы, писатели продолжили использовать архаичные имена по инерции и, вполне возможно, неосознанно в качестве важного внешнего элемента, формирующего национальную специфику литературы.

Чувашские позтонимы – неизменный компонент исторической художественной литературы. В произведениях, повествующих о предках современных чувашей, используются личные имена дохристианской эпохи, причем позтонимом становится лишь то имя, которое способно пройти эстетический отбор.

Субституированные русские имена, в отличие от дохристианских, до сих пор остаются активными элементами художественного повествования, вступая в противоречие с реальностью. Актуализация русских личных имен, существующих в чувашской среде

в настоящее время в виде поэтонимов, возможна лишь при соблюдении одного условия – обретения чувашской литературой неповторимых этнических черт, что в современных условиях представляется крайне сложным. Отсутствующую специфику компенсируют внешние элементы, среди которых в первую очередь выступают имена персонажей художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астăвăм*: вёсен ячĕ халăх чĕринче = Память: их имена в сердце народном : в 6 т. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1995–2000.
2. *Ерина Т. Н., Фомин Э. В.* Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 229 с.
3. *Леонтьева А. А.* Русские личные имена в чувашском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Чебоксары, 2006. – 21 с.
4. *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. – Казань : Тип. Император. ун-та, 1905. – 101 с.
5. *Федоров Г. И.* Наци кун-сулĕн сăнарлă тĕкĕрĕ // Чăваш литературин антологийĕ. Т. 1. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2003. – С. 5–14.
6. *Федотов М. Р.* Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с.
7. *Фомин Э. В.* Поэтонимы как составляющая специфики чувашской литературы // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики : сборник статей. – Ижевск, 2017. – С. 381–388.
8. *Фомин Э. В.* Проверить алгеброй гармонию: статистический портрет чувашской литературы // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья : сборник статей. – Ижевск, 2017. – С. 219–226.
9. *Фомин Э. В., Иванова А. М.* Опыт словаря русских фамилий чувашского происхождения // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Т. 1. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 236–240.
10. *Фомин Э. В., Иванова А. М.* Чăваш поэтонимĕсен пуххи. – Шупашкар : Чăваш университетĕн издательстви, 2016. – 83 с.

UDC 811.512.111'373.231

E. V. Fomin¹, A. M. Ivanova²

PERSONAL NAMES IN THE CONTEXT OF CHUVASH LITERATURE: LINGUISTIC ANALYSIS

¹*Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia*

²*I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Abstract. The paper deals with the names of the heroes of the Chuvash literature. The investigations prove that the poetic names at the external level largely provide the specificity of the Chuvash bel-

© Fomin E. V., Ivanova A. M., 2018

Fomin, Eduard Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; e-mail: yeresen@yandex.ru

Ivanova, Alena Mikhaylovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: amivano@rambler.ru

The article was contributed on November 06, 2018

letristic. They are represented by the pre-Christian and Orthodox names, as well as the surnames of the Chuvash origin. The Orthodox names fall into the borrowed ones and those preserving the original Russian phonetics. The choice of poetic names is determined by several terms: the content-related side of the text, chronotope, aesthetic ideas of the writers. In the Chuvash literature, there is a tradition of reproducing archaic names even in works on modern life, which contradicts the current reality.

Keywords: *personal names, poetic names, anthroponyms, anthroponymics, onomastics, Chuvash literature, Chuvash language.*

REFERENCES

1. *Astāvām: vėsen yachĕ halāh chĕrinche = Pamyat': ih imena v serdce narodnom : v 6 t.* – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1995–2000.
2. *Erina T. N., Fomin E. V.* Chuvashskoe slovo v russkom kontekste: opyt slovarya. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2012. – 229 s.
3. *Leont'eva A. A.* Russkie lichnye imena v chuvashskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Cheboksary, 2006. – 21 s.
4. *Magnickij V. K.* Chuvashskie yazycheskie imena. – Kazan' : Tip. Imperator. un-ta, 1905. – 101 s.
5. *Fedorov G. I.* Naci kun-çulĕn sĕnarlĕ tĕkĕrĕ // Chĕvash literaturin antologijĕ. T. 1. – Shupashkar : Chĕvash kĕneke izdatel'stvi, 2003. – S. 5–14.
6. *Fedotov M. R.* Slovar' chuvashskih nekhristianskih lichnyh imen. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1998. – 148 s.
7. *Fomin E. V.* Poetonimy kak sostavlyayushchaya specifiki chuvashskoj literatury // Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: aktual'nye problemy normativnoj i istoricheskoy fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki : sbornik statej. – Izhevsk, 2017. – S. 381–388.
8. *Fomin E. V.* Proverit' algebroj garmoniyu: statisticheskij portret chuvashskoj literatury // Komparativistika v izuchenii slovesnoj kul'tury narodov Uralo-Povolzh'ya : sbornik statej. – Izhevsk, 2017. – S. 219–226.
9. *Fomin E. V., Ivanova A. M.* Opyt slovarya russkih familij chuvashskogo proiskhozhdeniya // Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodickogo i sovremennyj vektor issledovanij Kazanskoj lingvisticheskoy shkoly. T. 1. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. – S. 236–240.
10. *Fomin E. V., Ivanova A. M.* Chĕvash poetonimĕsen puhhi. – Shupashkar : Chĕvash universitechĕn izdatel'stvi, 2016. – 83 s.